Самарин А.Н. Европейские дилеммы России / А.Н. Самарин // Конфликтология. – 2005. – №3. – С. 7-22.

Самарин А.Н.
член-корреспондент Всемирной Академии наук
комплексной безопасности (ВАНКБ),
доцент МГИМО-университета МИД России

Европейские дилеммы России

Целесообразность интеграции России в европейские структуры и возможные ее формы или пределы - одна из интенсивно дискутируемых тем в российском общественном мнении в постсоветский период. Разброс позиций на этот счет весьма велик и колеблется от радикального еврооптимизма и атлантизма неолиберальных элит до критически-пессимистической ориентации других элитных и контрэлитных группировок, не только оппозиционных, но и центристских, а также значительного скепсиса со стороны масс. Тенденция такова, что ряды критиков евроаталантизма непрерывно расширяются.

Против тесного сотрудничества с Европой не выступает никто, но оппоненты либерализма, усматривая в нынешних интеграционных проектах неоколониалистскую тенденцию, делают ставку на многовекторное экономическое и политическое сотрудничество, которое оправдало себя в советской истории и демонстрирует свою эффективность в развитии современного Китая, Индии и многих других стран. Многовекторность избавляет Россию от сформировавшейся модели зависимых отношений, как с Западом вообще, так и с Европой в частности[1].

Уже немалая часть интеллектуальной и отчасти политической элиты отдает предпочтение многостороннему сотрудничеству с азиатскими гигантами как более перспективному на ближайшую эпоху, что в какой-то мере стимулируется неготовностью европейцев к подлинной и равноправной интеграции. Этот подход определенно сказывается на возрастающем участии России в деятельности Шанхайской организации сотрудничества, в совместных военных маневрах со многими из входящих в нее стран и т.д. Игра на балансе сил оказывается во многих отношениях выгоднее евроинтеграционных проектов, тем более, для державы, располагающей значительными ресурсами. Тогда как существующие неравноправные формы европейского объединения чреваты полной утратой самостоятельности и реальной колонизацией с высокой вероятностью распада государственности.

«За» определенное сближение России с объединенной Европой все же говорит помимо соседства и связывающей континент развитой инфраструктуры, прежде всего, общность культурного наследия, представляющего как будто хорошую основу для совместных международных инициатив. Но странным образом при осуществлении подобных проектов на практике баланс издержек и достижений оказывается в большинстве случаев не в пользу России; все оборачивается, как правило, вывозом из нее идей, технологий, людей и капиталов. За этим кроются не только объективные экономико-географические предпосылки, но главным образом субъективные ценности господствующего у нас компрадорского слоя и установки его западных (в том числе европейских) покровителей.

Считается, что высокий уровень совместной работы уже достигнут в области образования и науки. Например, Россия активно включилась в так называемый Болонский процесс. Но, несмотря на известные приобретения высшей школы, заметные у нас лишь для небольшой группы вузов, приобщение России к этой системе в целом ускоряет и без того значительную «утечку мозгов» из страны. (За счет подобных кадровых потерь страна уже ежегодно теряет 50 миллиардов долларов, рискуя понести еще большие утраты). Но должна ли сегодня экономически неблагополучная Россия субсидировать образование богатейших стран мира?! Кроме того, от перехода на усредненные болонские стандарты проигрывают лучшие университеты, «планка» которых выше этих стандартов. Озабоченность по этому поводу не раз выражал ректор МГУ В. Садовничий, руководитель Совета ректоров России. Независимые эксперты предрекают в итоге начавшихся «преобразований» неминуемый развал высшей школы, от которой не останется и десятой части того, что страна получила в наследие от советского социализма. Кстати, в «директивных» наметках МВФ для российских реформ еще в 1998 г предлагалось оставить на всю Россию лишь два университета, в чем вероятно и состоит идеал внешних заказчиков подобной «модернизации» страны[2].

Казалось бы, наука в стране и так едва ли не разгромлена, благодаря деструктивным реформам, а приезжающие зарубежные консультанты из международных организаций все советуют правительству продолжить ее сокращение еще дальше. Нет ли здесь очевидного желания уничтожить из конкурентных и стратегических соображений даже уцелевшие обломки великого здания советской науки?! Международное давление через каналы МВФ, Мирового банка и др. межправительственные и неправительственные организации не остается безрезультатным, тем более, что «правильная реакция» вознаграждается кредитами или даже другими, персональными и групповыми преференциями. В соответствии с упомянутыми рекомендациями создаются условия, как для оттока ученых из страны, так и для методичной ликвидации остатков научных учреждений, поскольку затраты на них не только много ниже, чем в любой из крупных европейских стран, но уже уступают затратам на науку в так называемых азиатских «тиграх»[3]. Подобное

разрушение уже зашло слишком далеко, чтобы не вызывать оправданных тревог и недоверия к западным контрагентам, которые определенно «продавливают» его.

На фоне руководящих заверений о стремлении к модернизации России мы видим на практике, как вместо ожидавшейся естественной опоры на интеллектуальный потенциал страны, производится его методичное добивание (как, впрочем, и разрушение других культурных и технологических ресурсов)[4]. «Главный смысл конструктивного реформирования должен быть заключен именно в том, чтобы научный фактор сделать одним из важнейших стратегических приоритетов государства, решающим условием успешного социально-экономического развития страны на длительную перспективу, обеспечивающим технологию обновления производства, выпуск конкурентно-способной, наукоемкой продукции», - справедливо указывает проф. В.К. Фединин[5]. Вместо этого наблюдаются глубокая дезинтеллектуализация российского общества, прогрессирующий упадок всех научно-образовательных и общекультурных институтов.

Буквально через считанные месяцы в России, скорее всего, будут окончательно уничтожены структуры фундаментальной науки, достижениями которой страна по праву может гордиться[6]. А большая часть прикладной науки уже разделила участь разоренной индустрии. Достоверно известно, что у этого разрушения есть как иностранные заказчики и спонсоры, так и коррумпированные исполнители в российской компрадорской среде и бюрократии. А ведь ясно, что достаточно разрушить культурную матрицу, которая заключена в образовании и науке, чтобы лишить страну всякой самостоятельности и надежд на будущее.

Вот с какими дарами Запада приходится иметь дело россиянам, размышляющим о глобализации и евроинтеграции! Его особая роль в целенаправленном созидании в РФ социальной системы, способной лишь к деградации, была ярко засвидетельствована и исследована Александром Зиновьевым, известным ученым мирового класса в его многочисленных работах, в трудах С.Г. Кара-Мурзы, А.С. Панарина и многих др.[7]

Мощным аргументом в пользу евроинтеграции остается тот факт, что, несмотря на все препятствия, как будто растут взаимные экономические связи, когда, скажем, 60 процентов внешнеторгового оборота Российской Федерации приходится на Европу. Однако последнее обстоятельство во многом вызвано нынешним превращением России в сырьевой придаток промышленно-развитых стран, ее направленной деиндустриализацией и неоправданным расширением отсюда импорта даже такой продукции, в производстве которой наша страна еще недавно лидировала. Тем не менее, нынешние российские элиты готовы к любому, самому далеко идущему сотрудничеству с европейцами даже нередко в ущерб прямым интересам страны, что связывается, прежде всего, с корпоративным эгоизмом «реформаторских» группировок, их нескрываемым желанием обеспечить себе «запасные аэродромы»» на случай полного фиаско[8].

Решительный выход из сырьевой ниши привел бы немедленно к большей диверсификации международного сотрудничества, что, несомненно, обеспечило бы стране большую свободу рук. Судьбы России в XXI веке объективно могут быть связаны с бурным подъемом Южной и Юго-Восточной Азии, которой потребуются в ближайшее время разнообразные российские ресурсы: от минеральных и интеллектуальных до технологических. Однако никаких заметных проектов развития неолиберальные «реформаторы» так и не смогли предложить за десятилетия своего владычества, ни для собственной страны, ни для сотрудничества с соседями. Ничего, кроме гиперэксплуатации (до истощения) сырьевой базы, созданной и освоенной при Советской власти, и разрушения всего остального в области производства за эти годы не было сделано.

Уже имеющемуся нашему сближению с Евросоюзом реально полагаются пределы сразу с двух сторон, как с европейской, так и с российской. Россия - огромная страна, управлять которой из Брюсселя по его правилам было бы нереально, это нелегко даже из Москвы. Кроме того, не заметно и желания евроструктур действительно содействовать развитию страны, скорее даже, напротив, ощущаются негласные инструкции политическим и хозяйствующим субъектам – никоим образом не допускать укрепления Российской Федерации. К сожалению, активная часть нынешней политико-экономической элиты в самой стране более озабочена вопросом о собственной - персональной и групповой «интеграции» в Европу, но не думами о судьбе разоренного реформами Отечества и вымирающего по вине лидеров народа. Отсюда необходимые ответные меры в интересах собственного развития России пока более чем недостаточны.

Основополагающим критерием сотрудничества с российской стороны должен быть, прежде всего, рост реального сектора экономики и качества жизни граждан. Если реформы и связанные с ними интеграционные проекты не приносят эффективных результатов в области производства, то неизбежна их делегитимация, которая сейчас и развивается в России, где понятие реформы устойчиво ассоциируется с разрушением и разграблением, а слово «реформатор» стало синонимом беззастенчивого шулерства и экспроприации. Европейским друзьям стоило бы учесть витальные чаяния русских и прекратить поддержку наиболее деструктивных реформ, число сторонников которых в России (и без того ничтожное) тает на глазах. Один из активистов неолиберализма и одновременно социальный психолог Л. Гозман недавно заявил: "Либеральные реформы проклинают 90% населения. Не важно. Зато мы в них верим" [9]. Подлинный «демократизм» современных преобразователей и их вдохновителей – тут, как на ладони.

На путях интеграции сохраняется также определенный духовно-культурный барьер. Со своей стороны Россия в прошлом создала собственную, также европейскую, но отличную от остальной Европы цивилизацию, в которой многие стандарты Запада, Евросоюза не работают и неизвестно смогут ли они привиться. У нас исторически сложился особый вариант европеизма с более высокими требованиями к солидарности и социальной справедливости, с превосходящим уровнем государственного дирижизма в экономике, который

безусловно оправдал себя в нашей истории. «Русская культура ориентирована на со-бытие, а не противо-бытие, на вольное единство, а не на напряженное противостояние» (В.Н.Сагатовский). Поэтому вряд ли, идеология жизненного бытия во имя прибыли, приходящая к нам с Запада, сможет когда-нибудь стать нашим национальным мировоззрением, в котором вопреки всем потрясениям живучи исторические элементы православного нестяжания. Наконец, «социально ориентированная «демократия равенства», к которой издавна тяготеет русский народ, способна питать альтернативный проект вселенского постиндустриального общества», - проницательно замечал видный русский философ Александр Панарин[10].

«В сфере духовной культуры сегодняшняя американизированная Европа вообще не может быть примером для подражания», - формулирует достаточно популярную в России критическую позицию культуролог, философ и литературовед С. Корнев. Он даже еще более жестко проводит мысль о том, что наша культура уже несет внутри себя лучшие элементы европейского наследия, поэтому стоит культивировать эту Европу «в себе», не слишком рассчитывая на оскудевший ныне духовный потенциал этого региона[11].

Что касается осуществляемой в ходе нынешних перемен радикальной американизации нашей собственной русской культуры, то она встречает растущее отторжение абсолютного большинства граждан. Полный провал экономических реформ едва ли вызывает большее возмущение масс, чем натиск американского примитива в культуре. Можно с уверенностью утверждать, что в России на этой почве определенно возникло духовно-культурное сопротивление как вестернизации вообще, так и особенно американизации нашей жизни. Нынешним культуртрегерам предъявляется все чаще жесткий счет[12].

Поэтому для реального нашего сближения требуется длительный исторический период с полным сохранением самостоятельности России, и это многие понимают по обе стороны наших границ. И, кроме всего прочего, такое движение не может быть односторонним, ибо далеко не все в Европе благополучно и заслуживает копирования, особенно когда речь заходит об утрате европейской культурной идентичности на значительной части даже «старой» Европы.

Тем не менее, расширение сотрудничества возможно, и оно определенно будет углубляться, поскольку без российских ресурсов наши соседи уже никак не могут обойтись, а давно сложившаяся инфраструктура российских сырьевых производств также сориентирована преимущественно на Европу. Также плодотворным может быть культурный и научный обмен.

Однако пожертвовать целиком государственным суверенитетом в пользу сомнительных наднациональных структур готова в России лишь ничтожная группка крайних либеральных фундаменталистов, кажется, уже утративших чувство реальности. В свою очередь последних все другие силы в нашем обществе с основанием рассматривают как иностранную клиентуру и агентуру. В вопросе сохранения политической самостоятельности на наших глазах формируется практически общенациональный консенсус, и в этом состоит внутрироссийский лимит любых евроинтеграционных устремлений.

Оценка длительности и потенциальной степени интеграции различна по обе стороны наших границ, неоднозначна она и в самой России. Те немногие, кто считает Россию обычной, хотя и более крупной европейской страной, хотят, чтобы она уже теперь следовала в фарватере курса Евросоюза, поэтапно включаясь в его структуры уже при жизни этого поколения. Причем, иные государственные деятели на Западе тоже готовы «принимать» Россию в Европу ускоренно, но по частям, начиная, например, с отщепления Калининградской области в качестве четвертого балтийского государства на постсоветских территориях. Именно они намекают на якобы «неизбежность» распада страны, или даже его желательность, как это делает З. Бжезинский. Те - у нас, кто признает особый цивилизационный статус России, например, указывая на ее евроазийство, другую специфику и т.д., стремятся лишь к равноправному ее партнерству с объединенной Европой. Более тесная интеграция в этом случае предоставляется в лучшем случае грядущим поколениям.

Есть еще один дополнительный признак, по которому российская традиция отличается от западноевропейской. Его удачно выделил Линдон Ларуш, крупный американский ученый и общественный деятель. По его словам, «Россия была сверхдержавой. Русские все еще органически думают о себе как о государстве с атрибутами супердержавы — социально, морально и интеллектуально. А страны континентальной Западной Европы — сломанные нации. Они не чувствуют смысла и потребности в борьбе». У нас же, несмотря на все целенаправленное чудовищное растление молодого поколения за годы квазиреформ, даже у немалой части молодежи сохранились патриотизм и воля к сопротивлению. Только благодаря этой воле наших рядовых граждан страна продолжает выживать.

Помимо сказанного имеется другая, обычно замалчиваемая трудность: многие из держав старой Европы видят в России до сих пор своего конкурента и вопреки всем официальным декларациям, опасаются ее регионального влияния и готовы сделать все для ее ослабления. По этой причине они никогда не пойдут на прямое включение целостной России в ЕС или в военные структуры Запада и, тем более, не очень собираются содействовать экономическому подъему страны. А промежуточные паллиативные структуры вроде пресловутых «четырех пространств» и партнерства «Россия-НАТО» не составляют в свою очередь большой ценности для России. Да и сама Российская Федерация, будучи крупным самостоятельным геополитическим субъектом, не очень нуждается во внешних оковах. Привязка к НАТО или к предполагаемой новой европейской военной структуре обязывала бы ее, например, к участию в чуждых внешнеполитических авантюрах. (Кроме того, она обострила бы отношения с нашими восточными соседями).

Увы, мы сталкиваемся с продвижением НАТО на восток вопреки всем первоначальным обещаниям западных партнеров и уже встретились с поощрением ими территориальных претензий к России со стороны ряда пограничных с ней стран. На фоне продвижения военной машины НАТО на Восток, на фоне странных высказываний официальных лиц о целесообразности пересмотра послевоенных границ продолжает обостряться в российском обществе проблема доверия к европейским институтам. Тревогу нашей общественности четко выразил в своей последней книге «Стратегическая нестабильность в XXI веке», крупнейший русский философ А.С. Панарин: «Русский народ оказался владельцем громадной мировой территории, и размеры этого владения под любым предлогом хотят решительно сократить. …На самом деле за спиной тех, кто мечтает о десятках маленьких Швейцарий на территории нынешней единой России, стоят алчные проводники передела мира»[13].

Мы получаем сведения о регулярных и более чем недружественных военных маневрах по захвату определенных регионов нашей страны, читаем провокационные «прогнозы» военных ведомств стран НАТО и доклады их разведывательных служб о предстоящем в скором времени крушении российского государства, о грядущих боевых операциях на его территории иностранных вооруженных сил. (Уже проводятся и конференции на тему «Проект распада России», где от прогнозов переходят к прямому проектированию ее расчленения). Все это вместе взятое не создает надежной социально-психологической основы для долговременного сотрудничества. Когда мы видим на крохотной территории новых балтийских членов НАТО размещение десятков (!) военных баз, где строящиеся взлетно-посадочные полосы военных аэродромов прокладываются точно в направлении Москвы, когда мы из откровенных речей государственных деятелей этих стран узнаем о предстоящем отторжении нашей территории в пользу этих государств, нам трудно надеяться на такую Европу. Наконец, стало очевидным, что из состава вновь принятых в Евросоюз стран и кандидатов на принятие определенно формируется антироссийский блок лимитрофных государств. И мы, пережившие 22 июня 1941, не можем закрывать на все это глаза.

Так хотелось бы избежать параллелей с началом сороковых годов прошлого века, но это становится все труднее. Особенно сложно этого избежать на фоне поощрения со стороны некоторых великих (в том числе европейских) держав сепаратизма и терроризма в России. Что должны чувствовать русские на фоне диких заявлений крупных политических деятелей в США о том, что наша страна де не «по праву» владеет Сибирью и ее недрами, а также в свете информации о закулисных переговорах между некоторыми государствами на предмет потенциального раздела России. А как мы должны воспринимать идею, созревшую в кругах американского истеблишмента о целесообразности превентивных атомных война ради установления мирового господства? Почему, например, европейцы не отмежуются самым решительным образом от подобных планов, продолжая соучаствовать в подготовке подобных преступлений против человечности? «Они (Чейни, Блэр и др.) схватились за идею войны с Ираком, имея в виду Сирию, Иран, вероятно, уже с использованием атомного оружия, они готовы воевать с другими странами, применить атомное оружие против Северной Кореи и Китая»[14], свидетельствует хорошо информированный американский источник.

Российская интеллигенция, настроенная, быть может, лояльнее, чем другие социальные группы к европейскому вектору сотрудничества нашей страны, все же задается важным вопросом: с какой Европой предстоит сотрудничать, с кем интегрироваться? С идеализированной Европой великой культуры, носителем гуманистических и демократических начал? Или с реально доминирующей Европой транснациональной олигархии, источником неоимпериалистической экспансии, готовой к бомбежкам Белграда, Багдада и далее повсюду? Эти акции значительной частью нашего общества восприняты как тревожный симптом культурной деградации, как измена высшим гуманистическим ценностям, завоеванным некогда европейской культурой. Коллективное нападение участников НАТО на одну из малых суверенных стран Европы создало опаснейший прецедент, породив в совокупности с вышеприведенными фактами труднопреодолимый кризис доверия в неофициальной России к структурам объединенной Европы. А официальным властям остается только имитировать искомое доверие по торжественным случаям, тоже терзаясь в душе мрачными предчувствиями.

«Когда мы, европейцы, ведем себя как хищники, мы никому не интересны, - справедливо замечал уже цитированный Л.Ларуш, - когда мы начинаем деградировать, мы утрачиваем ценность для человечества, оно в нас не нуждается […] Если для вас важно ваше отношение к другим, а им небезразлично, как они относятся к вам, — тогда будет мир»[15]. Русские тоже никак не могут испытывать солидарность с Европой хищников, источающих откровенные угрозы нашей стране.

По всем этим причинам постоветский период отмечен определенной динамикой со «сменой вех» в сменявших друг друга политических воззрениях. Они эволюционировали от евроатлантической эйфории начала девяностых годов к прагматическим и небезрезультатным попыткам адаптировать страну к европейским и натовским стандартам во второй половине того же десятилетия и начале нынешнего века и, наконец, к растущему разочарованию в западническом курсе в самое последнее время даже со стороны властей. Элементы этого разочарования можно обнаружить в высказываниях официальных лиц в адрес европейских институтов по поводу транзита в Калининградскую область, расширения НАТО на Восток, зарубежной поддержки чеченских сепаратистов и т.д.[16] (Наиболее остро эта тенденция была выражена в выступлении В. Путина, посвященном бесланской трагедии, где он откровенно сказал о стремлении некоторых держав «оторвать от России куски пожирнее»).

Социологические опросы, проведенные в России летом 2005, года со всей определенностью показывают, что отныне большинство населения рассматривает политический курс, сформировавшийся в 1991 году на базе либеральных реформ, как минимум глубокой ошибкой, дорогой «в никуда». Это относится и к

внешнеполитическому компоненту реформ» [17].

Безоговорочная поддержка реформаторского курса со стороны западных институтов в целом, включая «семерку» и европейские структуры, прямое лоббирование ими наиболее болезненных и разрушительных преобразований, которые привели в конечном счете к феноменальному экономическому провалу страны, сильно скомпрометировали любые прозападные устремления в России[18]. Связь между импортированными с Запада проектами и их негативными социально-экономическими последствиями становится очевидной не только для специалистов, но и для человека «с улицы».

Даже один из наиболее прозападных либеральных авторов в нашей стране А. Арбатов вынужден признать следующие печальные итоги описанного планетарного перетока ресурсов из России: «Если всего 10-15 лет назад СССР имел вторую по мощи экономику в мире, составлявшую 50-60% от американской, то теперь российский ВВП опустился до 2,5% от США, Россия уступает всем крупнейшим государствам Европы, а от совокупного потенциала ЕС отстает в 12 раз». Добавим к этому, что за последние двадцать лет реформ Россия в своем экономическом развитии вырвалась на шестьдесят пятое место в мире, и занимает твердые позиции среди африканских стран. Ответственность за столь масштабный провал объективно ложится не только на компрадорскую клиентуру Запада в нашей стране, но и на ее покровителей и вдохновителей. Все это отбрасывает определенную тень на идею евроинтеграции столь популярную в России лет десять назад. За нее, кажется, держатся лишь официальные политики и экономисты.

* * *

Нынешняя интеграция России в подконтрольные Западу экономико-политические структуры в качестве деградирующего сырьевого донора есть путь в небытие. И долго он продолжаться не может вследствие параллельного разрушения обороны страны, нарастания внутренних конфликтов, развертывания терроризма в ряде регионов России, других проявлений нестабильности. Существующие тенденции таковы, что промедление с конструктивным поворотом – уже смерти подобно (как физической гибели миллионов в прямом смысле в самые сжатые сроки, так и государственно-политической – для Русской цивилизации).

Только безотлагательное восстановление в правах просоциальных ценностей, возрождение полноценного государственного сектора в экономике и развертывание крупных общенациональных высокотехнологичных проектов, сопряженных с подъемом науки и образования, могли бы отвечать задачам возрождения страны. Основным препятствием на подобном необходимом пути стали паразитизм, асоциальность и антинациональные установки компрадорских группировок (в идеологическом облачении либерального фундаментализма), а также их тесные клиентельные взаимоотношения с западными покровителями[19].

По этой причине все оглашенные в последнее время «национальные проекты», начало которых планируется на 2006 г., остаются ущербными, поскольку не затрагивают главного – задач восстановления отечественного производства. Эта ущербность во многом вытекает из рекомендаций западных финансовых институтов, стремящихся к сохранению сырьевой ориентации российской экономики и углублению ее зависимости от западных партнеров.

Отвергая неравноправные, неоколониалистские приемы объединения Европы выступая против возникающей в ней иерархии сообществ, связанных между собой отношениями эксплуатации, где выигрывают лишь сильнейшие, мы не хотим исключить иную, пока гипотетическую перспективу равноправного партнерства. Деградировавшая ныне, «либерализованная» Россия к нему неспособна в силу своей нарастающей системной слабости, которую не в состоянии компенсировать даже нефтедолларовый дождь. Однако весьма вероятная смена элит в современных условиях может открыть дорогу реальному экономическому росту.

Будущее, более конструктивное сотрудничество со странами Европы может сложиться не на уровне верхушечных соглашений монополий и олигополий, которые направлены явно не в пользу восточноевропейских народов, включая и русский. Определенное сходство социальной ситуации во многих постсоциалистических странах Европы открывает возможность и одновременно рождает потребность в более интенсивном региональном и субрегиональном сотрудничестве не столько на государственном уровне, сколько в формах кооперации локальных гражданских и экономических структур. Интеграции сверху должна предшествовать взаимовыгодная и добровольная интеграция снизу.

---

[1]. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2005. Цит. по: http://www.km.ru/citation/index.asp?data=08.09.2005%2010:00:00

[2]. Самарин А.Н. Необходима ли в России «радикальная образовательная реформа»?//Философия образования», № 5, 2002.; Самарин А.Н. Образование и элиты в современной России. //Философия образования XXI века. 2002, № 4.

[3]. Нобелевский лауреат (2000 г.) по физике из России Ж. Алферов в первом же своем выступлении в Госдуме после получения престижной награды, не преминул заметить, *что годичные расходы на фундаментальные исследования в нашей стране ныне в 4 раза меньше, чем стоимость одного жилого дома* для депутатов Думы, построенного в 2000 году! (С тех пор финансовая ситуация для ученых менялась лишь в худшую сторону). Многие авторитетные ученые впрямую говорят об “умирании” отечественной науки вследствие практического прекращения ее финансирования.

4]. Костюнин Александр. Актуальность развития ОПК (оборонно-промышленного комплекса) в современных условиях.2005// http://www.za-nauku.ru/?mode=text&id=180

[5]. Василий Фединин. К дискуссии о позиции «Движения» по Концепции реформирования науки.// http://www.za-nauku.ru/?mode=text&id=197

[6]. Сонькин Валентин. Зачем разрушают российскую науку? М., 2005.// http://www.za-nauku.ru/?mode=text&id=157
Бояринцев Владимир. Наука – 2005. // http://www.za-nauku.ru/?mode=text&id=120

[7] Александр Зиновьев предлагает в сжатом виде следующую оценку этой роли: «Нынешняя социальная система (называю её «постсоветизмом») создана – после антикоммунистического переворота в горбачёвско-ельцинские годы – на скорую руку, под давлением Запада и по западным образцам, с таким расчётом, чтобы Россия не поднялась больше. Эта социальная система в принципе исключает возможность для нашего государства независимого, суверенного существования. Страна деградировала во всех отношениях. Теперешняя система власти и управления не идёт ни в какое сравнение с той, которая была в Советском Союзе. Экономический развал, произошедший у нас, несопоставим ни с чем. Где ещё подобное наблюдалось на планете?! Все последние годы у нас говорят: «Страна на грани катастрофы, возможен развал…» Да он произошёл! Мы уже несколько лет живём в условиях катастрофы». Зиновьев А.А. Постсоветизм во мгле. //Литературная газета, № 41, 2005. См. также: http://www.za-nauku.ru/?mode=text&id=183

[8]. Судьба «атомного» экс-министра г-на Е. Адамова и его прискорбные деяния, начиная от массового ввоза в страну зарубежных ядерных отходов, сбыта за бесценок огромных запасов расщепляющихся материалов и заканчивая открытым наземным складированием едва ли не всего ядерного боезапаса СССР в предельно уязвимом хранилище под Челябинском, наилучшим образом иллюстрируют суть дела. Кроме того, дело Адамова убедительно иллюстрирует недальновидность ожиданий тех, кто ценой отречения от долга и родины рассчитывает на билет в царство «золотого миллиарда». См.: Открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину об угрозе гигантской ядерной катастрофы.// http://www.za-nauku.ru/?mode=text&id=26

[9]. Леонид Гозман - один из ближайших подручных господ М.Ходорковского и А.Чубайса главный идеолог СПС, в 90-е годы был активным советником и реформатором в правительстве Гайдара, советником Чубайса, научным сотрудником Международного центра Вильсона в Вашингтоне. (Цит. приводится по: С. Батчиков и С. Кара-Мурза. Неолиберальная реформа в России. Доклад. Гавана, 2005).

[10]. Панарин. Там же.

[11]. Корнев С. Россия как Новая Европа.// http://www.pereplet.ru/text/kornev2.html

[12]. Николай Бурляев: «Чувство правды позволило мне выстоять». Беседа с президентом «Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов» Часть 1 (http://www.rossija.info/view/6734/) , Часть 2 (http://www.rossija.info/view/6936/).

[13] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2005.
http://www.km.ru/citation/index.asp?data=08.09.2005%2010:00:00

[14] Там же.

[15] Ларуш Л. Великая роль России в развитии Азии.// Альманах «Восток», № 7\8 (31\32), июль-август 2005, http://www.situation.ru/app/j_art_957.htm

[16] Панарин И. НАТО угрожает России.(М., 2005) http://www.panarin.com/comment/196

[17] Критическую суть сформировавшегося общественного мнения в его отношении ярко выразил бывший заместитель министра иностранных дел СССР Ю. Квицинский в следующих словах: «Лихие ребята, захватившие власть в Москве в результате путча 1991 года и в одночасье развалившие Российскую мировую державу, поделив между собой ее территорию и богатства, отлично знали, что совершают неслыханное преступление против своего народа и его истории. Они не могли не понимать или, с учетом их интеллектуальной убогости, во всяком случае хотя бы нутром не чувствовать, что выступают в роли исполнителей давно вынашивавшихся на Западе замыслов уничтожения и порабощения России».// Квицинский Ю. Если бы победил Гитлер. // http://www.za-nauku.ru/?mode=text&id=170

[18] Лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц ранее в своих работах хорошо показал механизм разработки и «проталкивания» проектов российских реформ, которые были целиком подготовлены в МВФ, будучи спланированными отнюдь не в интересах подъема нашей экономики.

[19] Как неоднократно характеризовал взаимоотношения наших «элитариев» с американскими Стивен Коэн, - это взаимоотношения слуг и господина. Этот известный американский политолог говорил, что нынешнее руководство США не собирается признавать никаких национальных интересов России, ни даже собственных интересов своих российских слуг.